

* * *

— Ульяна, дорогая, ну ты где, мы все тебя заждались! В половине десятого у дяди Яши хоккей по телевизору, он очень хотел успеть потягать именинницу за ушки.

— Уже подъезжаю, мама, без паники! Я уже... совсем близко.

«Даже ближе, чем ты думаешь».

— А Олег? Надеюсь, вы едете вместе? Мы все буквально сгораем от нетерпения с ним познакомиться! Дедушка подготовил для будущего зятя целый список важных вопросов, но, судя по тому, сколько он выдул яблочного пунша, к вашему приезду останется только один: где здесь туалет, — мама озорно хохочет, заставляя меня устыдиться своего маленького вранья.

Смеюсь для приличия тоже, затем сбрасываю вызов и нервно сжимаю телефон в руках. Олег, черт бы его побрал!

Выглядываю из приоткрытого окна такси и, набрав номер, считаю непрекращающиеся длинные гудки.

— Ну давай же ты, возьми эту дурацкую трубку!

Напротив мне подмигивает вывеска ресторана «Бристоль» — любимое мамино заведение, ужасно старомодное, но значащее много для моей семьи. Именно здесь отец почти сорок лет назад сделал маме предложение, здесь они играли свадьбу и здесь же решили с поистине президентским размахом отметить мой тридцатилетний юбилей.

Да, мне сегодня стукнуло тридцать, цифра, мягко говоря, не самая радужная. Я улыбалась бы шире, будь она на десяток поменьше, но что есть, то есть, я стремительно старею и мужественно приняла этот факт как данность. И если совсем начистоту, то я бы с радостью провела этот знаменательный день дома: пожевала бы пиццу с пепперони, выпила бутылочку «Гиннеса», но родители решили не доставлять мне подобной радости и созвали на праздник всех четвероюродных тетушек и остальных родственников, имена которых я с трудом припоминаю. И все это с одной целью: они все просто жаждут познакомиться с моим парнем!

Дело в том, что в семье я слышу карьеристкой, феминисткой и женщиной абсолютно непригодной для продолжения нашего славного рода. Бабушка давно махнула на меня рукой и называет внуком пекинеса Пуфика, мама

между делом подсовывает брошюрки из клиники по замораживанию яйцеклеток, а отец несколько лет кряду пытается свести меня с кем-то из сыновей своих коллег-медиков.

И тут случилось чудо: восемь месяцев назад я познакомилась с достойным мужчиной, от которого не сбежала в первую неделю знакомства, и наши отношения вроде как можно считать вполне серьезными.

Красивый, умный, успешный тридцативосьмилетний адвокат — мама не может радоваться, а отец до сих пор ставит факт появления в моей жизни постоянного бойфренда под большое сомнение.

Все просто: они о нем много слышали, но никогда не видели.

Да, я не горела желанием знакомить своих родных с Олегом, потому что знала, чем это может обернуться: бедолага будет засыпан некорректными вопросами и жирными намеками, когда же наша свадьба. Не то чтобы я держусь за него зубами и боюсь, что после подобной бомбардировки он сбежит... Ай, черт, да кого я обманываю — Олег святой, раз до сих пор терпит меня, помешанную на карьере язву.

Мы отлично друг другу подходим: он живет своей работой, я — своей, одного этого достаточно, чтобы ответить «да». Не каждый мужчина готов видеть любимую только по выходным,

да и то если повезет — должность финансового консультанта в крупнейшей столичной компании отнимает львиную долю времени. А так он вечно пропадает в зале суда среди отпетых преступников, я в комфортабельном офисе среди кипы бумаг — все счастливы, все довольны. Мы — идеальная пара.

Пара, которая жила в своем помешанном на работе мире до сегодняшнего дня, когда в него собрались вероломно ворваться мои любимые родственники...

— Алло, дорогая. Прости, не слышал звонок, аврал. Ты получила мой букет? — раздается на том конце знакомый баритон, и я моментально закипаю:

— Да, но он завял, пока я дожидалась твоего ответа! Ты где? Я уже тридцать минут сижу в такси у входа в ресторан! Мои родители, а также остальные двадцать голодных родственников горят желанием с тобой познакомиться и разделаться наконец с праздничной уткой.

— Милая, прости, я жутко тебя подвел, но Гулевич перенес встречу с клиентом на сегодня, сейчас я по пути в Марьино.

— Что-о? — реву так громко, что таксист одаривает меня испуганным взглядом через зеркало на лобовом и тут же опускает глаза, когда я с меткостью снайпера мечу в него пропитанные ядом стрелы: — Пожалуйста,

скажи, что это розыгрыш, что ты уже на пересечении Вяземской и Патриотов и через полторы минуты будешь здесь: гладковыбритый, довольный и с букетом гортензий для моей мамы!

На том конце провода раздается тяжелый вздох. Такой тяжелый, что я с удовольствием огрела бы им его обладателя.

— Ульяна, тебе же не хуже моего известно, что такое работа. У меня очень сложный и важный клиент, я не могу легкомысленно все бросить и набивать утробу, когда горит одно из самых перспективных дел в моей жизни. Если я выиграю, то стану еще на пару нулей дороже, ставка высока, согласись.

— Но сегодня мой день рождения!

— Извини, мы обязательно отпразднуем завтра. К тому же я отправил цветы.

— Ты не понимаешь: плевать я хотела на праздник, но мои родители как манну небесную ждут знакомства с тобой, я не могу прийти одна, просто не могу! Мой отец называет тебя Каспером, надо объяснять, почему? — глубоко втянув носом воздух, протяжно выдыхаю и говорю тише, сменив претензионный тон на обиженно-миролюбивый: — Они готовились к этому вечеру, Олег... Если я приду одна, то они решат, что я тебя просто придумала! Моя двоюродная сестра Вика так и сказала: «У Ульяны нико-

го нет, бедняжка завела себе воображаемого приятеля, потому что реальные мужчины бегут от нее как черт от ладана». Прийти на собственный праздник без парня, ради которого, собственно, этот праздник и затевался, — это провал!

— Я все понимаю, родная, но я правда не могу все отменить. Скажи родителям, что мы обязательно приедем к ним на ужин в воскресенье.

Представляю, как переступаю порог «Бристоля» в гордом одиночестве. Вижу, как мама, натянув растерянную улыбку, привстает на цыпочки, пытаюсь разглядеть за моей спиной скромнягу-пассию; вижу сочувствие в глазах Вики и иронию тети Тамары. Глумливые шутки дяди Яши, что скорее отреставрируют Колизей, чем его любимая племянница найдет себе кавалера...

— Нет, Олег! Ты сейчас же разворачиваешься и едешь сюда, — шиплю, ощущая под пальцами раскаленный металл мобильного. — Немедленно!

— Это невозможно, я уже... О, прости, Гулевич на второй линии. Отключаюсь. Повеселись от души, родная, — короткие гудки как скрип пенопласта по нервам.

Он кинул меня! Бросил в день моего рождения на растерзание родственникам! Это ли не предательство? Я всегда считала,

что мужчина — это крепкое надежное плечо, тыл, который и в горе и в радости...

В глазах противно щиплет. Еще чего! Слезы — это роскошь, которую я не могу себе позволить.

Аппарат ожил в руках, и я с облегчением выдыхаю, за долю секунды сочинив длинную тираду, полную обиды и нецензурных слов. «Прости, все осознал, передумал, лечу на помощь». Но это оказался не Олег...

— Ульяша, ну где вы?! — немного раздраженно вопрошает родительница. — Горячее уже давно остыло... Кстати, какое вино любит Олег? Или, может, заказать для него что покрепче? Папа настаивает, что адвокаты предпочитают неразбавленный виски, но ты как-то проронила, что он практически не пьет, поэтому я засомневалась...

— Мама, не стоит лезть из кожи вон. Чем проще, тем лучше, верно же? Все свои...

— О чем ты говоришь?! — В голосе мамы столько неподдельного ужаса, будто я окропила святой водой немецкую свастику. — Олег первый мужчина, которого ты решила с нами познакомить, я хочу, чтобы все прошло на высшем уровне! Дорога-ая, я ведь так хочу уже поныть внуков...

— Мама, ради всего святого, не начинай! — И пробный шар: — Да и кто знает, может, Олег вообще не сможет...

— Я счастлива за тебя, моя девочка, мы все счастливы. И ждем не дождемся, когда уже наконец увидим, на кого же будут похожи будущие сорванцы, — в свойственной ей манере не дослушивать до конца перебивает мама. — Ладно, пойду попудрю носик и попрошу официанта еще раз подогреть отбивные. Вы же уже подъезжаете, верно?

— Верно, — обреченно вздыхаю и обессиленно роняю телефон на колени.

Вот не зря я всегда ненавидела свой день рождения, а тридцатилетие и вовсе надолго запомню.

Ситуации, подобные этой, — отличная лакмусовая бумажка для проверки отношений, Олег тест на вшивость не прошел...

Может, все-таки не всё так идеально и это знак? Ведь не просто же так мы до сих пор не съезжаемся. Что-то меня всегда останавливало сделать этот важный шаг, и, видимо, не зря.

— Какие-то проблемы? — обернулся таксист.

— Да так, денек выдался паршивый.

— Если хотите, составлю вам компанию. Ем я немного, и друзья говорят, что я мастер рассказывать анекдоты, так что краснеть за меня не придется. Хотите мой любимый? Как-то в протестантскую церковь пришли американец, русский и еврей...

Даже посторонний человек и тот готов войти в мое положение, а мужчина, которому я на восемь месяцев сдала в аренду свое тело, не смог отложить все дела и поддержать меня в этот важный день! Разве это похоже на образчик идеальных отношений?

Не слушая, что говорит таксист, отворачиваюсь от ресторанной вывески и пялюсь в окно кафе на другой стороне улицы. Какая-то дешевая забегаловка: кривое меню мелом на доске у входа, кричащие неоновые буквы. За столиком у заляпанного окна сидит парень, потягивая пиво из тяжелой стеклянной кружки. Один.

Наверное, как Ньютона озарило от удара по темечку яблоком, так и меня словно молнией поразила пришедшая в голову абсолютно безумная мысль.

— Спасибо, э...

— Санек.

— Саша. Сколько я должна? — оставив на сиденье сумму в два раза больше, перебрасываю через плечо тонкую цепочку сумки и, не дожидаясь зеленого, выбегаю на проезжую часть.

В спину мне доносятся возмущенные сигналы и нецензурная брань, но это же я — Ульяна Кароль: вижу цель, не вижу препятствий. Останавливать меня — то же самое,

что тормозить железнодорожный состав силой мысли.

Распахнув дверь забегаловки, целенаправленно шагаю к столику у окна и, отодвинув стул, бесцеремонно подсаживаюсь к парню. Не давая себе шанс передумать, выпаливаю:

— Простите, наверное, то, что я сейчас скажу, покажется вам странным, но... станьте моим парнем, пожалуйста.

* * *

Парень напротив несколько раз выразительно моргает и, вытащив наушники, с неподдельным интересом смотрит на вмешавшуюся в его дзен сумасшедшую.

Отчего-то теряюсь, сглотив ком неожиданного смущения. А парень-то, оказывается, ничего такой... Даже больше, чем «ничего».

Разгладив ладонями клетчатую скатерть, облизываю вдруг пересохшие губы.

— Я понимаю, что это звучит нелепо, но дело в том, что сегодня у меня день рождения, мне исполнилось... Впрочем, не важно же, да? Мой... жених, Олег, должен был прийти на праздничный ужин в ресторан «Бристоль», вон он, — тычу указательным пальцем в окно, и незнакомец послушно переводит взгляд на старое здание напротив. — Моя мама созвала кучу родственников, под предлогом дня

рождения устроив смотрины будущего зятя. У нее идея фикс поскорее выдать меня замуж. Ну, знаете, внуки и все такое. — «Боже, что я несу!» — А Олег не смог прийти, у него там кое-какие дела... по работе.

Парень иронично приподнимает густую бровь и делает большой глоток пива, после чего, водрузив на столешницу скрещенные пальцы, возвращает все внимание мне. И этот его взгляд... черт бы его побрал.

Прямо рентген.

Опускаю глаза на скатерть (тут крошки вообще убирают?) и снова смело смотрю на взъерошенного парня напротив:

— В общем, есть причины, по которым я не могу прийти на праздник одна, поэтому я хочу, чтобы вы сделали вид, что вы — Олег.

Взгляд из любопытного превращается в изучающе-насмешливый. Отставив кружку, парень откидывается на резную спинку деревянного стула и складывает на груди руки, обтянутые черной кожей куртки.

«Ну-ну, и что дальше?» — транслирует его поза.

Ерзаю, нервно приглаживая растрепанные от ветра волосы. Какого дьявола он так таращится...

— Это не займет много вашего времени, не более получаса. О господи, я такая идиотка! Я заплачу... — спохватываясь, открываю